

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 13, № 4

ЗУМД
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 27

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, изд-во «Наука–Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Дервянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **Вал.В. Полосин** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Абдуллах бин Абдулкадир. «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854). Предисловие, перевод с малайского и комментарии **Л.В. Горяевой** 5

Письма Высокомудрого Рэннэ (тетрадь четвертая, письма первое–седьмое). Предисловие, перевод с японского и комментарии **В.Ю. Климова** 24

ИССЛЕДОВАНИЯ

В.М. Рыбаков. Китайские верительные документы периода Тан и их правозащита 43

Е.П. Островская. Буддийская концепция материи: философские идеи и санскритская терминология 56

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

К.А. Битнер. Гармонизация текста в Большом свитке Исайи (1QIsa^a XL 1–3) 67

Т.А. Пан, Н.Г. Пчелин. Портреты цинских военачальников из коллекции Государственного Эрмитажа: реставрация свитков и новое прочтение текстов 74

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

К.Г. Маранджян. История Сахалинского фонда из собрания ИВР РАН 91

С.С. Сабрукова. Платовский хурул (по материалам АВ ИВР РАН) 100

Р.Ю. Почакаев. Значение трудов О.Ф. Акимушкина для изучения государственности и права Восточного Туркестана XVI–XIX вв. 109

Э.С. Русинова. Прадед поэта А.А. Блока — исследователь Средней Азии 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.М. Чунакова. Фрейманские чтения–2016 (Санкт-Петербург, 25 мая 2016 г.) 124

Т.В. Ермакова. Встреча сотрудников ИВР РАН с профессором Иерусалимского университета А.Я. Сыркиным (Санкт-Петербург, 27 июня 2016 г.) 126

РЕЦЕНЗИИ

Апастамба-дхармасутра. Апастамба-грихьясутра. Мантрапатха / Вступит. ст., пер. с санскрита, коммент., прилож. Н.А. Корнеевой. — М.: Наука — Вост. лит., 2015 (Памятники письменности Востока. CXLV) — 438 с. (**С.Х. Шомахмадов**) 134

Железнова Н.А. Дигамбарская философия от Умасвати до Немичандры: историко-философские очерки / Ин-т востоковедения РАН. — М.: Восточная литература, 2012. — 431 с. (**С.Л. Бурмистров**) 138

На четвертой сторонке обложки: портрет Болбунчи. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей), 2016

**Абдуллах бин Абдулкадир.
«Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура
в Мекку» (1854)**

Предисловие, перевод с малайского и комментарии

Л.В. Горяевой

Институт востоковедения РАН

Публикация включает в себя перевод с малайского и исследовательскую статью и посвящена последнему из сочинений выдающегося малайского писателя XIX в. — Абдуллаха бин Абдулкадира ал-Мунши (1796–1854), традиционно считающегося родоначальником малайской и индонезийской прозы новейшего времени. Текст представляет собой путевые записки автора, предпринявшего паломническую поездку из Сингапура в Мекку, и позволяет сделать выводы о цивилизационной идентичности писателя и о его роли в формировании новых стандартов малайского прозаического нарратива.

Ключевые слова: Мунши Абдуллах, паломничество в Мекку, нарративный стиль, морское путешествие, документальная проза.

Статья поступила в редакцию 09.05.2016.

Горяева Любовь Витальевна, канд. филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, РФ; 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12 (l.goriaeva@yandex.ru).

© Горяева Л.В., 2016

«Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» Абдуллаха бин Абдулкадира увидел свет спустя несколько лет после кончины его автора — пожалуй, наиболее известного из малайских писателей XIX в. Родившийся в Малакке от отца-араба и матери-тамилки, Абдуллах бин Абдулкадир (1796/7–1854) вырос и сформировался как человек малайской культуры по преимуществу. Получив строгое мусульманское воспитание в коранической школе, он с самых ранних лет упражнялся в переписывании священной книги ислама и переводе ее на малайский язык. Помимо малайского и арабского Абдуллах владел также тамильским, хинди и английским, что, по сути дела, предопределило его судьбу как переводчика, копииста, знатока рукописей, учителя языков и, наконец, писателя.

В историю малайской литературы он вошел, прежде всего, как создатель автобиографического романа «История Абдуллаха», впервые опубликованного в 1849 г. и выдержавшего впоследствии множество переизданий и переводов. Мунши Абдуллах был одним из первых местных уроженцев, оставивших документальное свидетельство о событиях, происходивших при их участии, и описавших их от первого лица. Начав свою карьеру подростком в качестве секретаря-переводчика легендарного основателя Сингапура — Стэмфорда Раффлза, занимавшего в 1810–1811 гг. пост губернатора Малакки, Абдуллах на протяжении всей жизни поддерживал тесные дружеские

отношения с миссионерами из Европы и Америки — основателями издательств и типографий, публикаторами первых малайских печатных книг в арабской графике (*джави*)¹.

Наряду с литературой вероучительного характера в этих издательствах печатались словари, учебники для школ, научно-популярные брошюры по разным областям знания, двуязычные англо-малайские журналы (Putten 2006: 411). Сотрудничая с европейцами, Абдуллах, получивший еще при жизни прозвище ал-Мунши («учитель языков»), поначалу выступал в роли преподавателя, переводчика, специалиста по «местным» вопросам, редактора перевода на малайский ряда библейских книг (Hikaayat 2008: 129–134). По его собственному признанию, многие малайцы относились в этому с неодобрением и пренебрежительно именовали его «Абдуллах-пастор» (Ibid.: 124). Одновременно, при поддержке такого знатока печатного дела, как британский миссионер Уолтер Медхэрст (1796–1857), Абдуллах овладел техникой литографской печати и немало способствовал ее распространению в регионе (Hill 1970: 124; Gallop 1990: 85–124).

Первый импульс его деятельности как писателя дал еще один миссионер и издатель — американиец Алфред Норт (1807–1869). Он предложил Абдуллаху переработать свои краткие заметки о деловой поездке в Келантан в травелог — книгу путешествия, а затем опубликовал ее в Сингапуре в 1838 г. (Kisah Pelayaran 1838), параллельно на латинице и на *джави*. Позднее тот же Норт подвел Абдуллаха к мысли о написании автобиографического романа, понимая все значение будущего сочинения как документа эпохи, способного вывести малайскую словесность на новые рубежи.

Не менее важную роль в творческой биографии писателя сыграл ученик и последователь Уолтера Медхэрста — Бенджамин Кисберри (1811–1875), основатель первых в Сингапуре светских малайских школ для мальчиков и для девочек (Макерееасе 1991: 448). Малайские аристократы и члены правящей верхушки региона охотно посылали туда своих детей: в этих заведениях ознакомление учеников с европейской культурой не предполагало их отказа от веры отцов. Образовательная деятельность была немиссионерской без книг и иных печатных материалов, и в этой своей работе Кисберри постоянно опирался на помощь Абдуллаха. Плодом их совместных усилий стал, в частности, перевод на малайский «Нового Завета» и его издание в 1852 г. в латинской графике, а в 1856-м — в графике *джави* (Hunt 1989: 35–56). По инициативе Кисберри публиковались журналы просветительской направленности, лучшим из которых считался литографированный научно-популярный журнал «Чермин мата»². Именно в нем в 1858–1859 гг. и была напечатана сокращенная версия дневника паломнического плавания Абдуллаха в Мекку — посмертного сочинения писателя.

Задумав это путешествие, Абдуллах, готовый ко всем связанным с ним опасностям, незадолго до отплытия в Мекку составил завещание (Ché-Ross 2005: 83–111), датированное 16 числом месяца раби ал-ахир 1270 г.х./16 января 1854 г.³ Как и ожидалось, в плавании ему пришлось перенести немало испытаний — о них ярко свидетельствует его последняя книга. Причиной смерти писателя, постигшей его в мае того же года, уже по достижении Абдуллахом цели его путешествия, стало, как утвер-

¹ *Джави* — разновидность арабского алфавита, адаптированного для малайского языка.

² Его полное название “*Cermin Mata Bagi Segala Orang Yang Menuntut Pengetahuan*”, букв. «Очки для людей, ищущих знания» (Cermin Mata 1858–1859).

³ Мимо внимания публикатора завещания прошла описка в документе, сделанная самим Абдуллахом: вместо 1275 г.х. (١٢٧٥) там должен был значиться 1270 г.х. (١٢٧٠), а григорианская дата была ошибочно обозначена им как 18 января 1854 г. вместо 16-го. Подобную же ошибку допустил он и в тексте записок (см. ниже, примеч. 6).

ждали, заболевание холерой (Ibid.: 90). Сведения о месте его погребения отсутствуют: наиболее вероятно, что таковым является одно из мекканских кладбищ.

Книгу внезапно умершего автора ждала непростая судьба. По словам А. Суини, исследователя творчества Абдуллаха и публикатора собрания его сочинений (Sweeney 2005), путевые заметки писателя были переданы кем-то из родных покойного автора его коллеге — издателю «Чермин мата» Бенджамину Кисберри — и спустя четыре года появились на страницах журнала. Судьба оригинальной рукописи в период между этими двумя событиями — а также в последующее время — до сего дня покрыта тайной. В распоряжении А. Суини находились три доступных ему текста: 1. Журнальная публикация Б. Кисберри 1858–1859 гг. 2. Рукопись Х.К. Клинкерта⁴, хранящаяся в библиотеке Лейденского университета под шифром K1.63. Ее версия, отредактированная по образцу «Чермин мата», позднее была опубликована тем же Клинкертом (Klinkert 1889). 3. Рукопись W215 из собрания А.Ф. фон де Валля (Ronkel 1909: 463), хранящаяся в Джакарте, в Национальной библиотеке Республики Индонезия и всходящая к не дошедшему до нас оригиналу.

Сопоставление трех этих текстов, проведенное А. Суини (Sweeney 2005: I, 305–330), выявило три вида различий между ними. На уровне отдельных слов обнаруживаются типичные для малайских рукописей расхождения, не меняющие общего смысла высказывания: добавление или изъятие служебных частиц *-lah* и *-pun*, удвоение корневых морфем (*beranyutlah* и *beranyut-anyutlah*), замена слов на сходные по звуку, написанию и значению (*ombak/lombang*, *meling/melengah*) и т.п. Смысловые ошибки чаще встречаются в рукописи W215: *dua sen* вместо *dusen*, *cur* вместо *nyuur*. Это лишний раз подтверждает, что ее копиист пользовался оригиналом и не сверял свой текст с текстами «Чермин мата» и K1.63.

На уровне фраз и абзацев различия носят по преимуществу редакционный характер. В издании «Чермин мата», где книга Абдуллаха шла в нескольких номерах, в тексте там и тут проставлены указания типа «Продолжение следует». Кроме того, при подготовке записок к печати из журнального текста были изъяты пассажи, восстановленные позднее в публикациях Кассима Ахмада (Kassim Ahmad 1964) и А. Суини: упоминания Аллаха, ритуалов и молитв, рассказы о посещении писателем святых мест ислама, а также заключительные стихи, венчающие собой записки. В них Абдуллах говорит о счастье, которое он испытал, достигнув желанной цели — Мекки, и волею судеб эти строки оказались для него последними.

Финальный фрагмент со стихами, наличествующий в рукописях W215 и K1.63, лишний раз подтверждает: оба эти списка были скопированы с несохранившегося оригинала. О том, что рукопись K1.63 редактировалась ее копиистом по собственной инициативе, без оглядки на журнальную версию или рукопись W215, говорит тот факт, что «мусульманские» фрагменты в ней частично были выпущены, а частично сохранены. Тем же, по-видимому, можно объяснить и различия в названии записок, которые в издании «Чермин мата» поименованы «Рассказом о плавании Абдуллаха», тогда как рукопись W215 озаглавлена «Плавание Абдуллаха Мунши из Сингапура в Мекку», рукопись K1.63 — «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку», а литографированное издание 1889 г. того же Клинкерта имеет заглавие «Рассказ о плавании Абдуллаха в Джидду» (в нем опущены эпизод о переезде в Мекку и, разумеется, финальные стихи).

Наконец, в издании «Чермин мата» и рукописи K1.63 из текста были изъяты фразы, комментирующие рисунки автора. Автограф содержал не менее семи рисунков —

⁴ Перевод этой рукописи на голландский см. (Klinkert 1867).

об этом свидетельствуют ссылки, сохранившиеся в джакартской рукописи W215 (естественно, также лишенной иллюстраций). На то, что Абдуллах в ходе путешествия постоянно рисовал, указывают не только эти фразы, но и эпизод, где капитан просит писателя запечатлеть с натуры «карту» Джидды.

Хотя оригинал посмертных записок писателя до сих пор не обнаружен, сравнение трех упомянутых текстов позволяет составить о нем некое общее и вполне достоверное представление. Это касается прежде всего личности автора и его, если можно так выразиться, цивилизационной идентичности.

Как уже было сказано, Абдуллах предстает в своих записках благочестивым мусульманином, задумавшим не только совершить паломническое путешествие в Мекку, но и добраться до тогдашней столицы исламского мира — Стамбула. По ходу плавания автор не раз обращает свои взоры к Всевышнему в минуту опасности и возносит молитвы Аллаху и Пророку, изучает мечети в Южной Индии, посещает святые места на Аравийском полуострове (в Мохе и Мекке).

Встречая на своем пути новые, незнакомые края, автор описывает их, прежде всего, с позиций человека воспитанного и образованного, для которого многие чужеземные обычаи странны, если не неприемлемы. Путешественник с удивлением рассказывает о театрализованном представлении, устроенном матросами в момент прохождения их корабля мимо Адамова Пика на Цейлоне, с неодобрением говорит о массовом попрошайничестве и антисанитарии, с которыми он столкнулся в Индии. Его печалит история упадка Мохи, разграбленной бедуинами, грубость и алчность носильщиков из Ходейды, самоуправство турецких таможенных властей в Джидде. Очевидно, что точкой отсчета, своего рода культурным эталоном для писателя выступают Малакка и Сингапур. Хотя Абдуллах и не связывает напрямую достоинств родного края с цивилизующим влиянием европейцев, об этом косвенно свидетельствует его сравнение бедуинов Сокотры с дикарями-аборигенами глубинных районов Малаккского полуострова, живущими в отрыве от космополитической среды прибрежных торговых городов.

Стиль повествования автора записок подчеркнуто строгий. Исключение составляют, пожалуй, лишь эмоционально окрашенные картины шторма у мыса Коморин, однако и они лишены примет традиционной образности, присущей малайскому классическому нарративу. В этом смысле текст Абдуллаха, написанный от первого лица, несомненно, принадлежит литературе нового времени. «Секретарская» привычка, выработанная автором за годы работы с европейцами, ярче всего проявилась в его описании Алфиаха и Каликута: возможно, Абдуллах полагал, что сведения об этих районах, находящихся в сфере интересов Великобритании, окажутся полезными для британской администрации у него на родине. При этом ссылки на самих англичан — упоминания их кораблей, владений в Индии и т.п. — у Абдуллаха не носят оценочного характера: он лишь фиксирует события или получаемую им информацию.

Травелог Абдуллаха, как и все его творчество, занимает особое место в кругу аналогичных сочинений малайских «писателей-секретарей»⁵ — сотрудников колониальных администраций. В отличие от Ахмада Риджалуддина, автора «Повести об управлении Бенгалией» (1811) (Skinner 1982) и Абдуллаха ал-Мисри, создателя «Повести о раджах Сиаме» (1823–1824) (Zaini-Lajoubert 2008), Мунши Абдуллаху свойственен непредвзятый подход к тем событиям, свидетелем которых ему приходилось быть в заморских краях. Автор не пытается делить своих персонажей на «хороших» и «пло-

⁵ Подробнее о них см. (Горяева 2013: 51–52).

них», не уснащает повествования вымышленными историями или местными легендами и вообще обходится без каких-либо стилевых изысков, присущих изящной словесности. Творчество Абдуллаха-хроникера, внимательного наблюдателя, открытого новым впечатлениям и рисующего их «без гнева и пристрастия», знаменует собой новый этап в развитии малайской документальной прозы середины XIX в.

Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку

Вот мои записки о том, как я отплыл из Сингапура на корабле «Сабил ал-Ислам» шейха Абдулкарима в 29-й день месяца джумада ал-авваль 1270 г.х.⁶, то есть в 1854 г. христианского летосчисления, что совпало с первым днем китайского Нового года.

С помощью Аллаха через два дня на третий мы достигли Малаккского моря и, не высаживаясь на берег, продолжали плыть при северном ветре. Спустя три дня плаванья, на четвертый, мы оказались близ острова Пенанг, но и там не остановились и продолжили свой путь.

В воскресенье, в седьмой день месяца, часов в десять, поднялся сильный северный ветер, заштормило, и большой корабль, словно кокосовую скорлупу, швыряло вверх и вниз. Ящики и вещи катались с правого борта на левый и обратно, и так продолжалось до утра, а к одиннадцати ветер спал. Мы плыли дальше и к четырем часам пополудни оказались близ острова Перак⁷.

На этом острове не найдешь ни травы, ни дерева, но одни только груды белых камней, которые издали кажутся серебряными. Потому и именуют его люди Пулау-Перак⁸. Туда слетаются на ночной отдых всякие морские птицы. Ко времени вечернего намаза появились четыре птицы и стали летать вокруг корабля. Темнело, и до острова было далеко, так что они расположились на реях, но тут матросы потихоньку подкрались и изловили птиц. Оперение у них было синее, клювы желтые, а лапы как у уток. Поймали всех четырех, зарезали и изжарили.

На девятый день месяца показались берега Аче⁹, остававшиеся в поле зрения в течение примерно двух дней. Далее мы шли великим океаном, не имея перед глазами ничего, кроме неба и воды. Плавание по океану длилось девять дней и девять ночей, пока не показался остров Цейлон, то появляясь, то исчезая из виду.

На одиннадцатый день мы прибыли в Галле¹⁰. Тут подошла целая стая рыбацких судов, *как на рисунке выше¹¹,* груженных разнообразной рыбой. Была там рыба, похожая на *бамбанган*¹², но подлиннее, и каракатицы весом около *гантанга*¹³ каждая. Это обошлось нам в двенадцать центов. К вечеру пришли две или три барки с апельсинами, плодами джамбу¹⁴ и ананасами. Еще они привезли завязанный мешочек, полный всевозможных цейлонских камней, колец и прочих драгоценностей — всем этим они торгуют.

⁶ Как показал Р. Че-Росс (Ché-Ross 2000: 180–181), Абдуллах здесь, как и в своем завещании, указывает неверную дату. Следует: «29 день месяца раби ул-ахир 1270 г.х.».

⁷ Небольшой остров в Малаккском проливе, к северо-западу от о-ва Пенанг (5°42'00" N, 98°56'00" E).

⁸ Серебряный Остров.

⁹ Аче — северная область о-ва Суматра.

¹⁰ Галле — город и порт на юго-западе Шри-Ланки.

¹¹ Здесь и далее звездочками выделены фрагменты, присутствующие только в рукописи W215, а также ссылки на рисунки, не сохранившиеся в трех дошедших до нас источниках.

¹² Бамбанган — луциан красноперый (морская рыба *Lucianus sanguineus*).

¹³ Гантанг — мера объема сыпучих тел = 4,54 л.

¹⁴ Джамбу — плодовое дерево (*Syzygium aqueum*) семейства миртовых.

Затем корабль достиг места прямо напротив Цейлонской горы¹⁵. При этом матросы принялись кричать, бить в цимбалы и барабаны, а одного абиссинца обрядили стариком с посохом в руке и с длинной бородой. Все остальные, танцуя, следовали за ним и выстроились перед капитаном, сидевшим рядом со мной, и кланялись ему. Каждому он давал понемногу денег. Я спросил начальника над матросами — боцмана Мухаммада, что это означает. Он ответил: «По обычаю, когда какой-нибудь корабль прибывает сюда, люди забавляются тем, что выпрашивают деньги себе на еду и читают Фатиху¹⁶, помяная имя праотца нашего Адама, мир ему!»

Поднялся сильный ветер, а нам предстояло пройти близ мыса Коморин¹⁷. Аллах! Аллах! Аллах! Не рассказать, какие трудности нам пришлось пережить и как огромны были волны — об этом только Аллах ведаёт. Впору пожалеть, что вообще появился на свет¹⁸. Морские валы перекачивались с борта на борт и обратно. Все вещи, сундуки, коврики и подушки катались туда-сюда, вода потоком обрушивалась в каюты, где все вымокло. Мысль у каждого была только о смерти. Казалось, волны вот-вот поглотят наш большой корабль — они вздымались выше верхушки мачты. Люди сидя творили молитву, уцепившись [за что попало]. Тех, кто находился в каютах, рвало, они мочились под себя. Матросы держали трюмные помпы наготове, а вода продолжала захлестывать корабль. Ничего не было слышно, кроме гудения снастей. Ветер налетал шквал за шквалом. Хотя погода стояла ясная, и нет-нет да проблескивало солнце, ветер и шторм разгулялись вовсю. Океан казался белее белого. Все до единого вцепились в снасти, но не раз рвались паруса — и снасти следом за ними. И заплакал бы тут, да слез нет, и губы пересохли. Отовсюду слышалось, как люди призывали имена Аллаха и Пророка. Штурман сказал: «Известно, что мыс Коморин всем внушает страх. Молитесь — здесь много кораблей пропало без следа, их и названий не упомнить, и никого из людей в живых не осталось, увы!»

Так прошло три ночи и два дня, покуда ветер не спал, и мы не смогли миновать мыс Коморин. Волнение утихло. Наконец мы оказались вблизи города Алфиах¹⁹, но слишком далеко от берега. Вдали показался большой корабль, который к полудню подошел ближе. Поравнявшись с нашим судном, он поднял красный флаг, и мы ответили поднятием красного флага. Затем он под всеми парусами приблизился к нам на двадцать маховых сажений²⁰, его команда приветствовала нас, и наш экипаж ответил тем же. На наши расспросы они отвечали: «Судно наше зовется „Фатх ул-мубарак“, главный на нем — капитан Хаджи Али бин Ахмад бин Иса. Мы плывем из Бенгалии с грузом риса в 850 тысяч мешков, везем их в Маскат²¹». Капитан прокричал свое приветствие капитану Абдулкариму, а потом его корабль выдвинулся вперед, и оба судна наперегонки устремились к устью²² Алфиаха.

Спустя два дня бросили якорь в Алфиахе. Наутро мы с капитаном сошли на берег, стали прогуливаться по городу и наблюдать, как в нем все устроено. Из местных обычаев больше всего меня поразило одно: здесь не почитается позором нагота сотен

¹⁵ Имеется в виду так называемый Адамов Пик — гора в западной части о-ва Шри-Ланка, почитаемая как священной как буддистами, так и индуистами, и мусульманами.

¹⁶ Фатиха — первая сура (глава) Корана, широко используемая как молитва.

¹⁷ В тексте: «Гамри». Коморин (Канниакумари. Кумари, англ. Cape Comorin) — каменистый мыс, южная оконечность п-ова Индостан.

¹⁸ Букв. «хотелось вновь оказаться в материнском чреве».

¹⁹ По-видимому, речь идет о г. Аллеппи (совр. штат Керала).

²⁰ Маховая сажень (дера) — расстояние между концами пальцев разведенных в стороны рук ≈ 1,8 м.

²¹ Маскат — нынешняя столица султаната Оман.

²² В регионе островной Юго-Восточной Азии портовые города обычно располагались в устьях рек. Слово «устье» в этом случае служит синонимом слова «город».

и тысяч женщин, которые не носят кофт и расхаживают, тряся грудью — что молодые, что старухи. Но это все индуски. Мусульманки не таковы: с покрытой головой и в кофтах. Дома в этом городе крыты пальмовыми листьями, но встречаются и крытые черепицей. Только это не такая черепица, что в ходу у нас.

Правит в этом краю и во всем том царстве индус, по прозванию Дармараджа. Его столица в трех днях пути по берегу от Алфиаха, и жителей в ней не счесть. Зовется она Тирваненда Пурам²³. Жители платят Англии в год по восемь личумов²⁴, а в личуме сто тысяч рупий. Все дела в стране вершит царь, и англичане тоже следуют его закону. Есть товары, запрещенные для ввоза в страну: это соль, табак, черный перец, кардамон, воск и слоновая кость.

Протяженность этой страны — десять дневных переходов, по морю или по суше. Они торгуют чуку²⁵, куркумой, сушеным кокосом, [...] ²⁶ и кокосовым маслом, кардамоном, кокосовым волокном, слоновой костью, черным и китайским перцем²⁷, тиковым деревом и марантой²⁸. Капищ у них множество, в них находятся идола — и золотые, и серебряные, и всякие иные.

Мечетей в Алфиахе всего десять, но соборных только три. Там протекает пресноводная река, по которой можно плыть пятнадцать дней, богатая рыбой и омарами. В лесах обитают слоны, тигры, носороги, вепри, олени, мунтжаки²⁹, пеландуки³⁰, волки и шакалы. Змей множество, некоторые — огромные. Всяких птиц не счесть, есть и павлины, и много других пернатых, но больше всего здесь ворон: не меньше, чем мух в доме.

Из денег у них в ходу бераган; в одном берагане 33 калина³¹, в одной калине — 4 чакрама, в одном чакраме — 15 каш³², ринггит³³ равен 60 чакрамам, в одном чакраме 16 каш³⁴. За одну золотую бомбейскую рупию дают 15 рупий. За сабран дают десять рупий с четвертью. Выкуп за невесту в стране Алфиах — 1200 чакрамов. Есть у них и кади, и хатыбы, и муэдзины.

В городе не встретишь чужеземцев, кроме купеческой братии: чети³⁵, келингов³⁶ — мусульман и маманов³⁷. Есть там один очень богатый маман, у него четыре или пять трехмачтовых судов, восемь или девять одномачтовых, где мачта установлена ближе к носу судна. Зовут его Хаджи Йакуб, он построил соборную мечеть. Начал постройку его отец Йусуф Сабар, а завершил сын. Говорят, эта мечеть обошлась ему в двадцать тысяч ринггитов.

В Алфиахе есть дурной обычай, которого тут не принято стыдиться: едва ли не половина его жителей нищенствует — и мужчины, и женщины. Куда бы мы ни пошли — они плетутся следом и вымаливают милостыню, но, сколько ни дай, все им

²³ Тривандрум, *т.ж.* Тхируванантхапура (совр. штат Керала на юго-западе п-ова Индостан).

²⁴ Видимо, искаженное *Lacham*, («сто тысяч» на яз. тамили и малаялам).

²⁵ Сушеный корень гамбира, используемый для приготовления бетелевой смеси.

²⁶ *Buah pulaga*(?). Может быть, *pula* — «хлопок» (яз. малаялам).

²⁷ Китайский, *т.ж.* японский, перец (*Zanthoxylum piperitum*), используется в медицине и кулинарии.

²⁸ Растение (*Maranta arundinacea*), из корневищ которого добывается крахмальное вещество — аррорут.

²⁹ *Kijang* (*Muntiacus muntjak*) — род небольших оленей.

³⁰ *Pelanduk* (*kancil*) — мышиный оленек (*Tragulus javanicus*).

³¹ Вероятно, имеется в виду золотая монета «кали фанам», см. (Herli 2006).

³² Ошибка в оригинале, следует: «16 каш».

³³ Малайское наименование доллара.

³⁴ Повтор (см. выше).

³⁵ Чети — торговцы из Южной Индии.

³⁶ Келинг — общее название Южной Индии.

³⁷ Возможно, это искаженное «мамун», что на языке малаялам означает «традиционный», т.е. индус. Однако ниже упоминается мамун-мусульманин.

будет мало, хотя и получить больше. Особенно дети, их целые сотни — и все заправские попрошайки: выпрашивают нашу еду и любую вещь, что у нас в руках.

Британский резидент в Алфиахе — г-н Кроуфурд. Здесь вывешены британские флаги.

В этом краю шесть месяцев жара, а шесть — дождь. Дороги тут не чинят, кругом песок, и передвигаться очень трудно — ноги вязнут. На базарах больше речной рыбы, нежели морской. Тут и ползун, и тербул³⁸, и путих³⁹, и омар, и сотни видов пресноводных и иных рыб. Один лишь Аллах ведает истину.

Так я провел в Алфиахе шесть дней в ожидании пассажирского судна. С Божьей помощью, из Калькутты прибыл корабль под названием «Атия Рахман». Его капитана звали Мухаммад Тамин, владелец же судна — Мухаммад Гахтан, из Ходейды. На корабле плыли бенгальцы-паломники, всего сто пятьдесят человек — мужчин, женщин и детей. Мы намеревались сесть на это судно, чтобы добраться до Джидды. Но поскольку прочие корабли уже отчалили, здесь с нас запросили немалые деньги: по восемь ринггитов с человека, и мы поладили.

Нашел я себе слугу, малабарца родом, по имени Мухйиддин. В третий день месяца джумада ал-ахир, в пятницу⁴⁰, началось мое плавание. Один Аллах ведает, какие муки я претерпевал: ни тебе поесть, ни посидеть, ни поспать — слишком много там было народу. *Но, если будет на то воля Аллаха, все эти обстоятельства зачтутся мне за мое стремление следовать благой стезей.* Через два дня мы приплыли в Кочи, а на третий — в Сукаду, потом миновали Пунакай, Танур и Ялатуру. Спустя шесть дней прибыли в порт Каликута⁴¹, а что раньше я упоминал — это все названия деревень.

Если глянуть на устье⁴² Каликута издали, то увидишь высокую башню, сложенную из камня, с четырехугольным основанием высотой в восемь локтей⁴³. Цилиндрическая ее часть достигает примерно ста локтей. Наверху установлен фонарь, подающий сигнал прибывающим и отплывающим судам. В полдень в четверг мы бросили якорь, и капитан сошел на берег. Назавтра собрались туда и мы с Ван Йусуфом, но волны с оглушительным грохотом обрушивались на берег, и потребовалась помощь полутора десятков людей, спустившихся в воду, чтобы удержать лодку. Дивился я, на это глядя. Подплыв ближе к берегу, гребцы стали разворачивать лодку поперек движения. О, Аллах! Казалось, она непременно перевернется: огромные валы накатывались один за другим и увлекали лодку за собой. Стоявшие в воде тянули ее к берегу и, наконец, вытащили. Сидевшие в лодке выбирались на сушу, мокрые до нитки, падали и вставали. Так изо дня в день обстояло дело с доставкой на берег, потому что волны здесь огромные даже в штиль, а когда наступает время штормов — они еще больше. Аллах ведает всё.

Отправился я прогуляться, посмотреть на город. Вижу: домов тут множество, лавки торговцев стоят рядами: тут и башмачники, и сотни лавочек со специями, с посудой, тканями, всяческими кушаньями, плодами, зелеными и зрелыми кокосами, рисом и прочими товарами. Улиц и проулков не счесть, и они не похожи на те, что в Алфиахе. Песка под ногами здесь не увидишь, дороги грунтовые или каменные.

³⁸ Рыба семейства карповых (*Osteochilus hasselti*).

³⁹ Рыба семейства карповых (*Puntius binotatus*).

⁴⁰ 3 марта 1854 г.

⁴¹ Каликут (*тж.* Кожикод) — город на Малабарском побережье Индии (штат Керала).

⁴² См. примеч. 17.

⁴³ Локоть (*hasta*) — мера длины в 45,7 см.

Каликут больше Алфиаха, домов и лавок тьма-тьмушая. Но даже большие дома покрыты пальмовыми листьями. Женщины-индуски на улицах, и молодые, и старые, ходят нагишом, без кофт, трясая грудью. В их селениях много кокосовых и арековых пальм, есть и хлебное дерево и манго — упомяну лишь то, что сумел увидеть. И банановых деревьев предостаточно.

Затем отправился я поглядеть на соборную мечеть. Миновал по пути немало переулков, и везде видел множество деревьев моринга⁴⁴, усыпанных плодами.

Дома здесь строят из настоящего гранита, а не из обожженного кирпича. Камень добывают в горах, каждый его блок имеет два локтя в длину, локоть в ширину, и отшлифован до блеска, толщиной же он в пядь⁴⁵. Удивительно, но всего за полтораasta रुपий их доставляют прямо до дома, как бы далеко это ни было. Дома здесь строят низенькие, а высокие редко когда увидишь. Двери и окна маленькие, как в заводе у келингцев и индусов. Каждый строит, как ему заблагорассудится, не следуя никаким общим правилам. Есть улочки и широкие, и узкие, одни дома обращены к ним фасадом, другие — наоборот, третьи стоят на высоких местах, и дорожки протоптаны, как кому нравится. Но сам город с его домами и стенами воздвигнут в стародавние времена, прочно и основательно. Немало встретишь недостроенных домов и иных сооружений: нынешние жители не могут завершить начатое. Многие большие кампунги⁴⁶ окружены гранитной стеной, и постройки в них тоже из гранита.

Наконец я добрался и до мечети⁴⁷. На те мечети, что в наших краях, они не похожа: высокая, а окна и двери — маленькие. Вокруг нее стена, а внутри несколько отдельных помещений. Есть там и хауз⁴⁸. В мечети три яруса, и я поднялся на третий. Постройка прочная, люди могут молиться и находясь на самом верху. Мимбар целиком выполнен из камня.

Перед мечетью — большой водоем, длиной в сто саженей, а шириной — в семьдесят, берега облицованы гранитом в виде лестницы, тридцатью ступенями спускающейся к воде. Его глубина в сезон дождей — пять саженей, а в сухой сезон — одна сажень; там в изобилии водятся и рыба, и креветки. Здесь люди купаются, занимаются стиркой и тому подобными делами. Мечеть и водоем поразили меня, и вот что пришло мне на ум: будущие читатели моей книги, вероятно, захотят узнать, кто воздвиг все это. В поисках ответа на этот вопрос я стал опрашивать окружающих, но все они пребывали в неведении. В их числе оказался старик лет восьмидесяти, живший при мечети сторожем. Я задал ему все тот же вопрос, и он ответил: «Странное дело: прежде никто этим не интересовался. Ты сам-то что за человек? И на что тебе это знать?»

Я ответил: «Я чужестранец, совершаю хадж, и здесь проездом. Удивительные сооружения! Интересно, во сколько они обошлись?»

Тот ответил: «Сказывали старики, что мечеть и водоем построены более пятисот лет тому назад попечениями одного ученого мужа⁴⁹ — знатока химии. Изо дня в день он добывал немного золота, и на эти средства строились и мечеть, и водоем. Был он истинный благодетель, но не хотел, чтобы имя его было начертано [на постройке]. Он похоронен здесь неподалеку. А на двери михраба написано только „Мечеть Алла-

⁴⁴ Моринга масличная (*Moringa oleifera*) — вечнозеленое дерево, его плоды, семена и листья используются в пищевых и медицинских целях.

⁴⁵ Пядь (jengkal) — мера длины, ≈ 23 см.

⁴⁶ Кампунг — квартал в городе или же отдельное поселение, расположенное за его пределами.

⁴⁷ Мечеть Мишккал — древнейшая мечеть на Малабарском побережье Индии, построена в XIV в.

⁴⁸ Хауз (перс. حوض [hauz]) — водоем близ мечети.

⁴⁹ В оригинале: fakir (факир, дервиш).

ха⁴. И добавил: «Не дивись на этот водоем — найдется здесь другой, побольше, его построил Таиб Султан⁵⁰. Сходи и посмотри».

Я отправился. Примерно в миле от мечети располагался облицованный гранитом квадратный водоем, в два раза больше того, что близ мечети. Вода в нем была прозрачна и свежа. Сипаи-стражники не разрешали там стирать или купаться: можно было лишь набирать воду для питья. За этим сипаи следили строго.

Рассказывают, что когда Таиб Султан завладел этой страной, он воздвиг здесь свой шатер. Поскольку войску не хватало воды, по его приказу и был вырыт водоем. Сооружен он на славу, и лишь Аллах ведает, каких это потребовало затрат.

Я продолжил прогулку и знакомство со здешним краем. Встретились мне еще четыре или пять маленьких прудов. Мечетей тут пятьдесят, но соборных всего две. В то время в стране царил смута, и потому в обеих из них звучала проповедь, после чего творилась полуденная молитва, и таким порядком дело шло уже два месяца. А прежде пятничное богослужение совершалось то в одной из мечетей, то в другой, ввиду близкого их соседства.

В этих краях всего два сезона: жаркий и дождливый. На нас пришлось жаркая и сухая погода.

Еда здесь очень дешевая: за дюжину кур просят рупию, а за большую овцу — от одной до полутора рупий, полрупии стоит сотня яиц, рис — полторы рупии за ман⁵¹, кокосы — рупия за сотню.

Есть странный обычай в этой стране — здесь не существует уборных. Все отправляются по нужде на берег моря, сидят рядами, нимало не смущаясь друг друга. И еще здесь чуть ли не половина жителей попрошайничает — и мужчины, и женщины. Куда бы мы ни пошли, они неотступно следуют за нами. Стоит присесть — они обступают нас со всех сторон. Сотни здешних жителей заняты шитьем шапочек, какие носят в Алфиахе.

В Каликуте мы провели восемь дней. В шестнадцатый день месяца джумада алахир⁵² я взшел на корабль, и в тот же вечер, в четверг, мы снялись с якоря. Четырнадцать дней и ночей длилось плавание по безбрежному океану, и, наконец, нашим взорам открылся остров Сокотра. Мы продолжали движение, и на пятнадцатый день, в четверг, подошли к двум каменистым островкам, отстоящим на пару миль друг от друга. Сколь чудны деяния Аллаха! На обоих островках не увидишь ни травинки, не то что деревьев или чего-то иного. *Мы могли в этом убедиться, проплывая совсем близко. Все там выглядит именно так, как нарисовано ниже. Один лишь Аллах ведает истину.*

О двух этих первых островках нечего и рассказать, а вот на острове Абд-эль-кури есть небольшие деревца. Туда жители Сокотры выпускают сотнями своих овец, а спустя несколько месяцев, когда овцы уже принесли приплод, они приезжают, чтобы добывать из них сало⁵³. Сало с Сокотры — самого лучшего качества, с приятным запахом. Здесь также изготавливают черную ткань из чесаной шерсти и делают красные шапочки из такой же шерсти. Проживает тут немало бедуинов, обычаями своими они напоминают малайских джакунов⁵⁴.

⁵⁰ По-видимому, имеется в виду Типу Султан (1750–1799) — мусульманский правитель государства Майсур, ведший завоевательные войны против своих соседей.

⁵¹ Ман — мера веса ≈ 36,3 кг.

⁵² 16 марта 1854 г.

⁵³ *Minyak sapi* чаще означает «сливочное масло», однако здесь речь, скорее всего, идет о топленом сале.

⁵⁴ Джакуны — собирательное название аборигенных народностей ряда областей Малаккского полуострова.

На следующий день, когда мы проплывали мимо этих островов, нас нагнал какой-то корабль и подошел ближе. Наш штурман велел паломникам с корабля перебраться на корму, и спустя мгновение корабль, что к нам подходил, оказался далеко позади. Был отдан приказ переместить груз: тридцать два мешка с рисом, две пушки и бочки с водой оказались на корме. Назавтра тот корабль был уже далеко позади⁵⁵.

Повстречался нам и английский трехмачтовик. Наконец, в пятый день месяца раджаба⁵⁶, в понедельник, к вечеру мы оказались перед Аденом. Английский корабль бросил здесь якорь, но мы оставили его справа от себя и продолжали свой путь, спеша к Вратам Искандара⁵⁷. *Вот как выглядит со стороны моря этот Аден, что занят англичанами.*

Мы плыли всю ночь, а наутро, во вторник, нашим взорам открылись острова Врат Искандара. Справа цепочкой протянулись шесть больших и малых гористых островов, где не растут ни деревья, ни иная растительность, ни даже трава: Аллах сотворил их из голого камня, и замысел Его нам неведом. Слева разворачивалась та же картина — сплошной камень на протяжении примерно одной мили. Здесь корабли проплывают из моря в океан и обратно. Глубина фарватера — от десяти до двенадцати [саженей]. Этого места все боятся, здесь опасно — рифы и мелководье, и немало кораблей нашли тут свою погибель. Оно зовется «баб» — врата, воздвигнутые султаном Искандаром Двурогим⁵⁸.

На островках по правую руку живет множество бедуинов, а на острове по левую руку можно раздобыть воды. *Англичане зовут [это место] Баб Мандеп. Вот как выглядит эта цепочка островов, что тянутся один за другим, увенчанные живописными скалами.*

Так мы и плыли при слабом ветре. При подходе к Вратам капитан и штурман приложили все свои силы и старания, и наше судно успешно их миновало. *В ознаменование благополучного преодоления пролива все прочитали Фатиху.* Кстати, на одном из островов по правую руку от нас находится могила святого — шейха Саида⁵⁹. Примерно в три часа пополудни капитан решил, что не успеет в Моху⁶⁰ до сумерек, ибо подойти к городу непросто из-за множества рифов, вынуждающих лавировать при движении. Поэтому отойдя на пару миль от Врат, мы бросили якорь, рассчитывая, что в Моху попадем ранним утром следующего дня.

Ночью морская гладь была бездвижна, словно вода в плоском сосуде. Матросы принялись за ужение и наловили зеркальной рыбы⁶¹ и морских сомов⁶². К ночи я спокойно заснул.

В полночь штурман отдал команду матросам сниматься с якоря. В темноте началась суматоха: зажгли два фонаря, принялись с великими трудами поднимать якорь и провозились с этим до самого рассвета. Заморосил дождь, и все те, что спали на палубе, промокли до нитки и стали разбегаться в темноте, словно застигнутые пожаром

⁵⁵ Не совсем ясно, почему корабль Абдуллаха, на котором уже в Каликуте не хватало места для паломников, взял на борт новых пассажиров и дополнительные грузы. Однако автор никак не комментирует этот факт.

⁵⁶ 3 апреля 1854 г.

⁵⁷ Врата Искандара (Bab Iskandar) — малый проход Баб-эль-Мандебского пролива (между Красным морем и Аденским заливом), разделенного о-вом Перим на две части.

⁵⁸ Искандар Двурогий (Зулкарнайн) — так в мусульманской традиции именовался Александр Македонский (356–323 гг. до н.э.).

⁵⁹ Шейх-Саид — небольшой скалистый полуостров близ о-ва Перим в Баб-эль-Мандебском проливе.

⁶⁰ Моха — порт на восточном побережье Красного моря, в 74 км от Баб-эль-Мандебского пролива.

⁶¹ Зеркальный индийский ниточник (*Caranx gallus*).

⁶² Ikan duru — род хищных рыб семейства Ариевых (*Ariidae*).

домовые мыши, ища укрытия. Их циновки и подушки промокли насквозь. *Господи, благослови Мухаммада!⁶³* Внезапно налетел западный ветер такой силы, что глаз нельзя было открыть. Якорь уже был поднят. С рассветом внезапно поднялось волнение. Ветер дул с носа, разворачивая судно к западу, волны были заодно с ветром, затрудняя движение корабля. Так мы шли целый день, и нам не только не удалось продвинуться вперед, но даже отнесло в обратном направлении. Судно стало захлестывать водой. Близился вечер. Не имея возможности бороться с ветром, мы отдали себя на его милость. Всю ночь он гнал нас назад через пролив, и мы оказались еще дальше, чем были прежде. У всех теперь была одна забота: вода на судне на исходе, и если через день-два мы не доберемся до обитаемых краев, нам нечего будет пить. Всем роздали понемногу воды. Но с помощью Аллаха на следующий день ветер немного стих. Мы плыли по морю, но не могли проследовать малым проливом, как прежде, — нас отнесло слишком далеко назад. Пришлось поэтому идти большим проливом. К часу дня мы бросили якорь в порту Мохи, отметив свое благополучное прибытие троекратным пушечным залпом.

Внезапно снова налетел резкий западный ветер, поднялось волнение. *Его любовница⁶⁴, заболевшая оспой, была отправлена на берег,* а всего на судне находилось более двадцати человек, болевших оспой, двое или трое из них скончались. Вам, слушающим мой рассказ, легко понять, сколь трудны испытания путешествия даже для здорового, а уж что говорить о больном человеке! Некоторым из них Аллах даровал скорое исцеление, прочие же страдали от зноя и трудностей путешествия. Наше судно везло груз риса, и жара стояла день и ночь такая, словно вас пекли на огне. *Вот вид Мохи со стороны моря.*

Назавтра я сошел на берег поглядеть, на что похожа эта Моха. Оказавшись на берегу, я вступил в городские ворота со стороны моря и отправился прогуляться по городу. Поразили меня здешние дома — высокие и изящные, с множеством окон, украшенных резными растительными узорами удивительной красоты. Но из сотни зданий не найдется и десятка, где есть скамьи, — все они пустые, половина разрушена, а остальные заперты. В каждом могла бы разместиться сотня человек, а живет всего пятьдесят-шестьдесят. Маленьких домов здесь не увидишь — разве что только за пределами города. Ни одно из зданий не крыто черепицей, у всех плоская земляная крыша. Стены города прочные, толщиной в полтуловища человека.

Город выглядит заброшенным, безлюдны и лавчонки, и базар, и только кое-где к вечеру собираются торговцы всякой всячиной. Торговый квартал выглядит так: на четыре-пять открытых лавок приходится пять-шесть закрытых. Это немало изумляло меня. Два или три дня провел я на берегу, стремясь проникнуть в тайны этого города, и обошел его вдоль и поперек. В городской стене есть четверо больших ворот⁶⁵, их охраняют турки с ружьями. В семь вечера ворота закрывают, а в семь утра открывают.

Принялся я расспрашивать об этом городе местных жителей, и вот что мне поведали:

«В прежние времена город Моха славился среди прочих городов здешнего края, он процветал, и жизнь в нем кипела, много было здесь и купцов, и людей богатых. Поэтому-то они и не скупались, воздвигая эти красивые дома.

⁶³ В тексте по-арабски.

⁶⁴ Упоминание «его любовницы» встречается только в рукописи W215 и отсутствует в рукописи K1.63 и литографированном издании в журнале «Чермин мата». Из текста неясно, кого эта особа сопровождала.

⁶⁵ По свидетельству путешественников 1835 г. ворот в городе было семь, а сам он процветал. См. (Путешествие 1840: 69).

Десятки судов стояли в порту, сотни отправлялись в плавание. От множества пешеходов на улицах было не протолкнуться, царило всеобщее оживление, но волею Аллаха город этот был обречен на гибель. С гор спустились бедуины, числом в пятнадцать или шестнадцать тысяч, и начались разбои и грабежи. Турки оказали вооруженное сопротивление и перестреляли несколько тысяч человек. Бедуины же, собрав тела погибших товарищей, сложили из них лестницу, чтобы перебраться через городскую стену. Турки отстреливались из ружей, у иных выстрелами сносило головы, но лестница оставалась на месте. Проникнув в город, бедуины крушили все вокруг, турки были перебиты, но кое-кому удалось спастись бегством. Моха была захвачена и разорена, дома разрушены, а все богатства и имущество разграблены.

Обнищавшие жители города разбрелись — кто в Аден, кто в Ходейду, кто в Забид, в Байт Факих, в Тарим и прочие города. Безмолвие воцарилось в Мохе. Брошенные дома, где давно уже никто не жил, разрушались и гибли. Такова история о гибели этого города».

В Мохе находятся мавзолеи шейха Али бин ‘Умара аш-Шазили⁶⁶, сайида Хатима⁶⁷ и сайида Сандала. *Я отправился посмотреть на них и помолиться.* Все три увенчаны башнями, но самая большая и высокая — у шейха аш-Шазили.

И все же еда здесь дешевая: крупная овца стоит не более ринггита, за сотню яиц просят одну рупию. Выбор плодов невелик: есть финики, манго и еще один-два вида. Вывозят же отсюда много чего — кофе, кишмиш, индиго и прочее.

В этих краях никого не встретишь, кроме арабов и бедуинов. Мне попались на глаза два-три индийца, да еще говорят, что много бедуинов проживает в горах, в трех днях пути отсюда. Все съестное и все плоды доставляются оттуда. А вода в Мохе солоноватая, и хорошей воды мне не встречалось. Здесь всего одна соборная мечеть, а малых мечетей примерно четыре десятка.

В этом порту наш корабль простоял четырнадцать дней, потому что капитан Мухаммад Тамин — уроженец Мохи, как и штурман Абдул Халик. Здесь выгружались одни товары и загружались другие.

Вечером в четверг капитан поднялся на судно, и мы отчалили. Аллах даровал нам попутный ветер, и всю ночь мы плыли без остановки. Назавтра, в пятницу⁶⁸, примерно в полдень мы бросили якорь в Ходейде. Это совершилось с опозданием, потому что Ходейда расположена на ровной местности, без каких-либо внешних примет, да к тому же море здесь коварное, много скал, есть и мелкие, и глубокие места. Капитану со штурманом стоило немалого труда заметить город на этой равнине, для этого штурману пришлось не раз забираться на мачту и вглядываться. *Вот вид Ходейды со стороны моря.*

Я сошел на берег, желая познакомиться с городом. Из-за мелководья наш корабль бросил якорь далеко от берега, милях в пяти. Когда наша шлюпка оказалась в десяти-двенадцати саженях от суши, навстречу ей с берега бросились кули и, мокрые насквозь, рвались добыть себе седока. Один говорил: «Это мой!», а другой: «А это мой!» Суматоху они создали невообразимую, казалось, шлюпка сейчас перевернется. Наконец перепалка утихла, и каждый потащил на плечах к берегу своего седока, из

⁶⁶ Суфийский шейх Али б. Умар ал-Шазили (ум. 1418) считается «покровителем» кофе в арабском мире, по преданию привезшим его в Йемен из Эфиопии (Etheredge 2011: 88). По другим источникам, употребленные кофе связывают с именем другого суфийского мистика — шейха Абу-л-Хасана аш-Шазили (1196/97–1258), основателя братства шазилийя (Родионов 2005: 381).

⁶⁷ Возможно, имеется в виду Мухаммад Усман ал-Миргани, известный как ал-Хатим — основатель тареката хатимийя (ум. 1851, Таифа) (Тримингем 1989: 47).

⁶⁸ 9 раджаба, или 7 апреля 1854 г.

которых иные вымокли до нитки, а другие упали в воду вместе со своим носильщиком. На берегу мокрые кули собрались толпой и стали наступать с ругательствами, словно собираясь пустить в ход руки, и требовали с каждого из седоков по курушу⁶⁹. Доставка пассажира с корабля, находящегося на расстоянии пяти-шести миль, стоила каждому из них по одному курушу, а тут просили куруш за доставку его со шлюпки на берег на расстояние десяти сажень! Они так ругались и буянили, что приходилось платить [требуемую сумму]. Получив деньги, они продолжали идти следом и галдели: «А вот со мной еще не рассчитались, и с ним...». Много приличных господ наблюдало за издевательствами кули над чужестранцами, они посмеивались, но не вмешивались, забавляясь этим зрелищем.

Затем я вошел в город. Не зная пути, спрашивал, как пройти к мечети. Дорогу туда мне предложили показать мальчики, но требовали за это плату.

Здешняя мечеть огромная. По местному обычаю, каждый нагишом влезает в хауз — водоем с водой для молитвы. Те же, кто совершает лишь легкое омовение, получают нагоняй.

В этом краю правят турки. Более четырех тысяч турок живут в Ходейде и ее окрестностях, есть здесь и турецкий паша. Еда здесь почти такая же дешевая, как в Мохе. Однако вода везде солоноватая, и все ее пьют — и знать, и простой народ. Торговых заведений, купцов и мануфактурных лавок в Ходейде побольше, чем в Мохе. Отсюда экспортируют кофе и кишмиш. Овцы и куры также дешевы.

Познакомился я здесь вот с каким обычаем: все, словно козы, жуют зелень. Есть такие листья шириной в два пальца, на стебельках, которыми повсеместно торгуют, и люди едят эти листья без ничего; на бетель это не похоже: его употребляют с добавками. Всем этим набивают рот и жуют. Соберутся люди, сидят, а перед ними все усыпано пережеванными листьями. Они поплеывают, и слюна от этого получается зеленая. Я спросил, для чего они употребляют эти листья. Они ответили, что проку от них никакого, одни расходы — просто это привычка такая. Тот, кто ест эти листья, должен есть вдоволь жира и мёда, не то заболешь. Листья эти именуются «кат»⁷⁰.

Мечетей, больших и маленьких, немало: около сорока. Переулки в городе узкие, шириной в сажень, и редко когда встретишь шире. Почва здесь — сплошной пепельно-черный песок, земли не видать, нет ни деревьев, ни травы, одна голая земля, растут только финиковые пальмы и дерево под названием «дум»⁷¹. Из их листьев плетут циновки, коврики, канаты, делают маленькие шкатулки и тому подобное. Лошадей, ослов и коров кормят пшеничной соломой. Там и тут пробивается колючая трава. Дома бедняков все построены с использованием травы — и стены, и изгороди⁷².

Проведя шесть дней в Ходейде, в четверг⁷³ под утро мы подняли якорь и поплыли с попутным ветром, что послал нам Аллах. К полудню нашим взорам предстала цепочка островов Джабал Саваби⁷⁴ — всего их было семь. *Вот какими я их увидел.* На них не найдешь ничего, кроме камня, ни одного живого листочка. Мы на всех парусах миновали эти острова и примерно через полтора часа увидели еще один большой остров. На нем обитает множество морских птиц. Здесь обнаружены залежи серы.

⁶⁹ Куруш (от лат. *Grossus*) — название серебряных европейских монет в Османской Турции.

⁷⁰ Кат — род вечнозелёных кустарников семейства бересклетовых, включающий единственный вид — *Catha edulis*. Обладает наркотическим действием, сходным с действием кокаина.

⁷¹ Вид пальмы (*Hyphaene thebaica*).

⁷² Вероятно, речь идет о постройках из саманного кирпича.

⁷³ 15 раджаба, или 13 апреля 1854 г.

⁷⁴ Джабал ас-Сабайя.

Тем временем ветер утих, и мы с помощью Аллаха оказались вблизи Ламлама — места, где паломники вступают в ихрам⁷⁵. Корабль следовал своим путем до вечера. Назавтра мы увидели Джидду, но не осмелились подойти ближе. Тут появились два береговых лоцмана, которых мы забрали с собой из Ходейды. Один поднялся на заднюю мачту, второй расположился на носу, а штурман корабля занял место посередине.

Береговому лоцману, который должен был благополучно провести наше судно до Джидды, была положена плата в сорок ринггитов. Я увидел, что путь, которым мы должны были следовать, пролегает среди коралловых рифов, где вода кажется зеленой, но есть места, где пройти можно. Этим путем и повели наше судно: лоцман, сидевший на задней мачте, криком оповещал того, что был на носу, последний откликался и подавал знак штурману нашего корабля, а тот громкогласно слал команды рулевому, находившемуся на корме. Капитан стоял, озабоченный, не позволяя матросам и рта раскрыть. Все до единого хранили молчание и молились, чтобы благополучно миновать опасные коралловые рифы. Внезапно оказалось, что мы — перед цепью скал, стеной поднимающихся над поверхностью воды. Спустили все паруса, кроме четырех. Вода прибывала с невероятной скоростью. По прошествии трех часов, по милости Аллаха, наш корабль, невредимый, смог благополучно достичь цели. Капитан и вся команда весело смеялись *и вознесли троекратную молитву с благодарением о спасении.* Зарядили пушки и дали три залпа один за другим. Затем корабль бросил якорь.

Поверхность моря в гавани неподвижна, словно вода в плоском сосуде. Увиденная издали, Джидда представляла во всей своей красе. В ту минуту в руках у меня был карандаш, и капитан сказал: «Абдуллах, хорошо бы ты сейчас начертил карту Джидды: ведь если поднимется ветер или волнение, нам трудно будет ее разглядеть». Я забрался в джалибут⁷⁶ и стал рисовать.

Тем временем с берега приплыла лодка, а в ней турок, ведавший морскими делами, и с ним солдат в полной воинской униформе. Он поднялся на борт и уселся рядом с капитаном, беседуя и наблюдая, как я рисую. Потом он подошел посмотреть и спросил: «А это что за человек?» Капитан все рассказал ему про меня, и тот заметил: «Если паша узнает, что он умеет рисовать карты — непременно заберет его к себе». Капитан сказал: «Он прибыл сюда, чтобы совершить хадж». Тот сидел у нас еще довольно долго, потом распрощался со мной и капитаном, а солдата своего оставил на борту стеречь корабль. Такой у них обычай: направлять на каждое судно по солдату из опасения, что пошлина не будет уплачена.

Назавтра с берега пришли несколько лодок, чтобы забрать паломников и грузы, и каждый сошел вместе со своими товарищами. По обычаю Джидды, с каждого здесь берут по четверть ринггита пошлины, а вещи, сгружаемые с корабля, не пересчитывают, а складывают кучей в том месте, где производится сбор пошлин.

Там оказалось полным-полно соглядатаев и охраны, были там и двое турок с писарями и вооруженными солдатами. Казалось, словно на дворе война: грузы были навалены кучами, каждый искал свое, потому что вещи лежали кое-как, вперемешку. Одни были повреждены, другие пропали, третьи попали в чужие руки. Аллах ведает, как трудно всем пришлось, люди копошились, словно муравьи: только отвернешься — а вещь исчезла. Вокруг толпились сотни кули. Они подхватывали какой-нибудь груз и подносили его к сборщику пошлин. Если сундук открывался с трудом, его

⁷⁵ Ихрам — первое действие ритуальных обрядов для паломника, совершающего хадж. Место вхождения в ихрам для паломника, прибывшего из Йемена и Индии, — Ялямям (гора, которая находится на расстоянии 54 км от Мекки).

⁷⁶ Корабельная шлюпка с квадратной кормой, см. (Dickson 2015: 476–477).

взламывали, резали бечеву на тюках, грубо разрывали упаковку, и слова им на это не скажи — что хотели, то и делали. Объявляли: «За это плати столько-то, за это — столько-то». Как они скажут, так и должно быть. За одежду, что была на человеке, они иногда требовали пошлину, а иногда не требовали. Делай, как они скажут, и не задавай вопросов, не проси ни о чем и не пытайся узнать, как положено, по обычаю. Ничего нельзя было понять. Ящики с принадлежностями для письма взламывались, переворачивались, чернила разливались из чернильниц, и много бумаги от этого пострадало, потому что слишком много людей зараз проходило досмотр.

Когда с этой напастью было покончено, пропавшие вещи так и остались пропавшими, а сломанные сломанными, люди подхватили свое имущество и разошлись кто куда.

Спустя день по прибытии я написал в Мекку письмо, где сообщил, что я уже в Джидде и попросил шейха приехать за мной. В ожидании его приезда я бродил по Джидде и посетил шейха Абдул Гаффара, которому передал письмо из Сингапура от Хабиба Абу Бакра Машхура. Явившись к нему, я показал письмо его секретарю, и тот спросил: «Так ты и есть Абдуллах? Мы уже получили письмо от Хабиба Абу Бакра Машхура, и нам все о тебе известно. Здесь тебе положена хавала⁷⁷, получишь от меня столько, сколько тебе понадобится. Я слышал, ты собирался в Стамбул?» И я ответил: «Если будет на то воля Аллаха, собираюсь отправиться туда по завершении хаджа». Он сказал: «Приходи завтра после утренней молитвы, увидишься с шейхом». И я ответил: «Хорошо».

Затем я вернулся домой, а наутро снова явился туда. Он пригласил меня в дом. Увидев [шейха], я приветствовал его, и он ответил на мое приветствие, а потом велел мне сесть поближе и стал расспрашивать о здоровье Саййида Абу Бакра. Я ответил: «Сейчас с ним все в порядке, он поправляется после недавнего приступа астмы». Тот сказал: «Он прислал мне письмо, где рассказывает о тебе. Здесь тебе положена хавала, можешь взять столько, сколько тебе нужно». Я сказал: «Спасибо, и да благословит Аллах саййида Абу Бакра Машхура за его готовность помочь мне — я на это не мог и рассчитывать. Сейчас при мне есть немного денег, и больше мне не надо. Но если, по милости Аллаха, после посещения Мекки окажется, что мои средства на исходе, я сообщу вам об этом письмом». И ответил тот: «Хорошо». Затем я откланялся.

*Назавтра была пятница и все жители Джидды, мужчины и женщины, отправились к могиле Хавы, супруги Адама, пророка Аллаха. Таков обычай в арабской земле: каждую пятницу мужчины и женщины посещают эту могилу. Мы пошли туда с одним из моих товарищей. Вся дорога была запружена народом. Наконец нашим взорам открылась усыпальница.

Совершив поклонение могиле⁷⁸,* мы двинулись в обратный путь, рассматривая окружающие земли и поселения. Я убедился, что в Джидде жизнь бьет ключом, сюда приплывает множество кораблей и стягивается народ со всех концов света. Торговой братии и заезжих купцов здесь целые толпы. Какого только рода-племени не встретишь тут! Лавки ломятся от разнообразия товаров, что свозятся в местный порт из других стран⁷⁹.

В Джидде я провел несколько дней, ожидая приезда шейха из Мекки. Наконец прибыл Хаджи Адам, и я приветствовал его. Он провел в Джидде два дня, а затем

⁷⁷ Хавала — система финансовых взаимозачетов, используемая на Среднем Востоке, в Африке и Азии на основе доверия и неформальных связей между родственниками или земляками.

⁷⁸ Выделенный фрагмент отсутствует только в издании Кисберри.

⁷⁹ На этом месте текст издания Кисберри обрывается, завершаясь словами *Wa'llahu 'alam (сокр. от Wa'llahu 'alam bissawab* — «Один лишь Аллах ведает истину»).

нанял верблюдов для перевозки клади, и после полудня мы тронулись в Мекку и ехали всю ночь. Ранним утром мы вместе с шейхом Хаджи Адамом вступили в Мекку со стороны Куббах Махмуд⁸⁰, облачившись в одежды ихрам — белый каин⁸¹ и белое покрывало.

Стихи

Войдя в сей благодатный край, забыл
Я все мирские радости и наслаждения,
как будто рай открылся мне всецело.
Хвалю Всевышнего тысячекратно!
Ушли из памяти превратности пути,
Ведь я достиг обители Аллаха —
той, о которой много дней мечтал!

Литература

- Горяева 2013 — *Горяева Л.В.* «Повесть о земле Бали» — «искусственная» династийная хроника начала XIX в. // Письменные памятники Востока. 2013. № 1(18). С. 51–52.
- Родионов 2005 — *Родионов М.А.* Спор двух напитков (из поэзии Хадрамаута) // *Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, Древняя Аравия. Сборник статей, посвященный 60-летию В.В. Наумкина / Сост. А.В. Седов, И.М. Смелянская. М., 2005. С. 380–384.*
- Путешествие 1840 — Путешествие господ Комба и Тамизие по Абиссинии и землям Галла, Хоа и Ифат // Библиотека для чтения. СПб., 1840. Т. 40.
- Тримингем 1980 — *Тримингем Дж.С.* Суфийские ордены в исламе. М., 1989.
- Dickson 2015 — *Dickson H.R.P.* The Arab of the Desert. A Glimpse into Badawin Life in Kuwait and Saudi Arabia. New York, 2015.
- Cermin Mata 1858–1859 — *Cermin Mata Bagi Segala Orang Yang Menuntut Pengetahuan.* Singapore: [Mission Press], 1858–1859.
- Ché-Ross 2000 — *Ché-Ross R.* Munshi Abdullah's Voyage to Mecca: A Preliminary Introduction and Annotated Translation // *Indonesia and the Malay World.* 2000. Vol. 28. No. 81. P. 173–213.
- Ché-Ross 2005 — *Ché-Ross R.* The Last Will and Testament of Munshi Abdullah bin Abdul Kadir (1797–1854) // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society.* 2005. Vol. 78. No. 2 (289). P. 83–111.
- Etheredge 2011 — *Etheredge Laura S.* Middle East: Region in Transition. Saudi Arabia and Yemen. [S.l.], 2011.
- Gallop 1990 — *Gallop A.T.* Early Malay Printing: An Introduction to the British Library Collections // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society.* 1990. Vol. 63. No. 1. P. 85–124.
- Herrli 2006 — *Herrli Hans.* Gold Fanams, 1336–2000. Mumbai, 2006.
- Hikayat 2008 — *Hikayat Abdullah.* Karangan Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2008.
- Hill 1970 — *Hill A.H.* (ed. & transl.). The Hikayat Abdullah. Kuala Lumpur; London: Oxford University Press, 1970.
- Hunt 1989 — *Hunt R.* The History of the Translation of the Bible into Malay // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society.* June 1989. Vol. 52. Part 1. P. 35–56.
- Kassim Ahmad 1964 — *Kassim Ahmad* (ed.). Kisah pelayaran Abdullah. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1964. P. 93–118.

⁸⁰ Куббах Махмуд (также именуется Куббах аш-Шейх Махмуд) — мавзолеем шейха Махмуда в районе Джаруаль, к северо-западу от Заповедной мечети.

⁸¹ Каин — этим словом у малайцев обозначается длинный несшитый кусок ткани, обертываемой вокруг бедер.

- Kisah Pelayaran 1838 — Kisah Pelayaran Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi dari Singapura sampai ke Kelantan. Singapura: Press of American Mission, 1838.
- Klinkert 1867 — *Klinkert H.C.* (ed.). Verhaal van de reis van Abdoellah naar Kalantan en van zijne reis naar Djeddah, in het Maleisch, voor de lithographische pers geschreven en van aanteekeningen voorzien door H.C. Klinkert // *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*. Leiden, 1867. Vol. 14. Issue 1. P. 384–408.
- Klinkert 1889 — *Klinkert H.C.* (ed.). Kisah pelayaran Abdullah. Leiden, 1889.
- Makepeace 1991 — *Makepeace, W., Brooke, G.E., Braddell, R.St.J.* (eds). One Hundred Years of Singapore: Being Some Account of the Capital of the Straits Settlements from its Foundation by Sir Stamford Raffles on the 6th February 1819 to the 6th February 1919. Singapore, 1991
- Putten 2006 — *Putten J., van der.* Abdullah Munsyi and the Missionaries // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 2006. Vol. 162. Issue 4. P. 407–440.
- Ronkel 1909 — *Ronkel Ph.S., van.* Catalogus der Maleische Handschriften in het Museum van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen. Batavia-den Haag, 1909.
- Skinner 1982 — *Skinner C.* (ed. & transl.). Ahmad Rijaluddin's Hikayat Perintah Negeri Bengkulu. The Hague: Martinus Nijhoff, 1982.
- Sweeney 2005 — *Sweeney A.* (ed.). Karya Lengkap Abdullah bin Abdulkadir Munsyi. Kepustakaan Populer Gramedia/École française d'Extrême-Orient. Jilid 1–3. Jakarta, 2005.
- Zaini-Lajouber 2008 — *Zaini-Lajouber, M.* (ed.). Karya Lengkap Abdullah bin Muhammad al-Misri. Jakarta: École française d'Extrême-Orient, 2008.

References

- Goriaeva, L.V. “Povest’ o zemle Bali” — “iskusstvennaia” dinastiinaia khronika nachala XIX v. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 1(18). Moscow, 2013, pp. 51–52 (in Russian).
- Rodionov, M.A. “Spor dvukh napitkov (iz poezii Khadramauta)”. In: *Arabia Vitalis: Arabskii Vostok, islam, Drevniaia Araviia. Sbornik statei, posviashchennykh 60-letiiu V.V. Naumkina*. Moscow, 2005, pp. 380–384 (in Russian).
- Cermin Mata Bagi Segala Orang Yang Menuntut Pengetahuan*. Singapore: [Mission Press], 1858–1859 (in Malay).
- Ché-Ross, R. “Munshi Abdullah's Voyage to Mecca: A Preliminary Introduction and Annotated Translation”. *Indonesia and the Malay World*, vol. 28, no. 81, 2000, pp. 173–213 (in English).
- Ché-Ross, R. “The Last Will and Testament of Munshi Abdullah bin Abdul Kadir (1797–1854)”. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 2005, vol. 78, no. 2 (289), pp. 83–111 (in English).
- Dickson, H.R.P. *The Arab of the Desert. A Glimpse into Badawin Life in Kuwait and Saudi Arabia*. New York, 2015 (in English).
- Etheredge, Laura S. *Middle East: Region in Transition. Saudi Arabia and Yemen*. S.l., 2011 (in English).
- Gallop, A.T. “Early Malay Printing: An Introduction to the British Library Collections”. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 63, no. 1 (258) (1990), pp. 85–124 (in English).
- Hikayat Abdullah. *Karangan Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad*. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2008 (in Malay).
- Hill, A.H. (ed. & transl.). *The Hikayat Abdullah*. Kuala Lumpur; London: Oxford University Press, 1970 (in English).
- Herrli, Hans. *Gold Fanams, 1336–2000*. Mumbai, 2006.
- Hunt, R. “The History of the Translation of the Bible into Malay”. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. June 1989, vol. 52, part 1, pp. 35–56 (in English).
- Kassim Ahmad (ed.). *Kisah Pelayaran Abdullah*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1964, pp. 93–118 (in Malay).
- Kisah Pelayaran Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi dari Singapura sampai ke Kelantan*. Singapura: Press of American Mission, 1838 (in Malay).
- Klinkert, H.C. (ed.). “Verhaal van de reis van Abdoellah naar Kalantan en van zijne reis naar Djed-

- dah, in het Maleisch, voor de lithographische pers geschreven en van aantekeningen voorzien door H.C. Klinkert". *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*. Leiden, vol. 14, issue 1, 1867, pp. 384–408 (in Dutch).
- Klinkert, H.C. (ed.). *Kisah pelayaran Abdullah*. Leiden, 1889 (in Malay).
- Makepeace, W., Brooke, G.E., Braddell, R.St.J. (eds). *One Hundred Years of Singapore: Being Some Account of the Capital of the Straits Settlements from its Foundation by Sir Stamford Raffles on the 6th February 1819 to the 6th February 1919*. Singapore, 1991 (in English).
- Putten, van der, J. "Abdullah Munsyi and the Missionaries". *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*, vol. 162, issue 4, 2006, pp. 407–440 (in English).
- "Puteshestvie gospod Komba i Tamizie po Abissinii i zemliam Galla, Khoa i Ifat". In: *Biblioteka dlia chteniia*, St. Petersburg, 1840, t. 40 (in Russian).
- Ronkel, van, Ph.S. *Catalogus der Maleische Handschriften in het Museum van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen*. Batavia-den Haag, 1909 (in Dutch).
- Skinner, C. (ed. & transl). *Ahmad Rijaluddin's Hikayat Perintah Negeri Bengkulu*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1982 (in Malay, in English).
- Sweeney, A. (ed.). *Karya Lengkap Abdullah bin Abdulkadir Munsyi*. Kepustakaan Populer Gramedia/École française d'Extrême-Orient. Jilid 1–3. Jakarta, 2005 (in Malay).
- Triminham, J.C. *Sufiiskie ordeny v islame*. Moscow, 1989 (in Russian).
- Zaini-Lajoubert, M. (ed.). *Karya Lengkap Abdullah bin Muhammad al-Misri*. Jakarta: École française d'Extrême-Orient, 2008.

Abdullah bin Abdulkadir.

"Story about Abdullah's Voyage from Singapore to Mecca" (1854).

Introduction, Translation from the Malay Language and Commentaries
by Liubov V. Gorjaeva

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, volume 13, no. 4, pp. 5–23)
Received 09.05.2016.

Liubov V. Gorjaeva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IV RAN); ul. Rozhdestvenka 12, Moscow, 107031 Russian Federation.

The publication includes a Russian translation and a research article devoted to the posthumous work of the outstanding Malay writer of the 19th century — Abdullah bin Abdulkadir al-Munshi (1796–1854), traditionally considered the father of modern Malay and Indonesian prose. The text is the author's travelogue, a story of his pilgrimage to Mecca from Singapore. It allows the reader to draw conclusions about the civilizational identity of the writer, and about his role in shaping new standards of the Malay narrative prose.

Key words: Munshi Abdullah, pilgrimage to Mecca, narrative style, sea journey, documentary prose.

About the author:

Liubov V. Gorjaeva, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, IOS RAS (l.gorjaeva@yandex.ru).